

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Никлас Бурлак

АМЕРИКАНСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ В КРАСНОЙ АРМИИ

**НА Т-34 ОТ КУРСКОЙ ДУГИ ДО РЕЙХСТАГА.
ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-РАЗВЕДЧИКА**

1943—1945

На линии фронта. Правда о войне

Никлас Бурлак

**Американский доброволец в
Красной Армии. На Т-34 от
Курской дуги до Рейхстага.
Воспоминания офицера-
разведчика. 1943–1945**

«Центрполиграф»

2013

Бурлак Н. Г.

Американский доброволец в Красной Армии. На Т-34 от Курской дуги до Рейхстага. Воспоминания офицера-разведчика. 1943–1945 / Н. Г. Бурлак — «Центрполиграф», 2013 — (На линии фронта. Правда о войне)

В ваших руках удивительное свидетельство о Великой Отечественной войне – воспоминания американского гражданина Никласа Бурлака, волею судьбы с семьей оказавшегося в 1930-х годах в Советском Союзе и разделившего горькую судьбу нашей страны в 1940-х. Автор несколько раз был тяжело ранен, дважды терял в бою экипаж своей тридцатьчетверки. Он уверен, что жизнью своей обязан большой любви, неожиданно встреченной им в совсем неподходящей для этого военной обстановке, но однажды трагически оборвавшейся. Никлас Бурлак прошел через крупнейшие сражения второй половины Великой Отечественной войны – Курскую битву, освобождение Белоруссии и Польши, взятие Берлина. В мае 1945 года он, как и многие советские воины, на стенах Рейхстага кратко описал свой путь от родного дома до логова врага. У Никласа Бурлака надпись начиналась очень необычно для советского офицера: «Bethlehem, Pennsylvania, U.S.A.». В США эту замечательную книгу в 2010–2012 годах автор издал под именем М.Дж. Никлас, увековечив в псевдониме память двоих своих братьев Майка и Джона, также хлебнувших все «прелести» советской жизни.

© Бурлак Н. Г., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Предисловия к Американскому изданию	5
Человек мира, воин мира	5
Американец, защищавший советскую землю	7
От автора	8
9 мая 1945 года. Берлин, Германия	9
9 февраля 1943 года	11
23 февраля 1943 года. День Красной армии и Военно-морского флота	13
10 апреля 1943 года. Госпиталь в Пушкино	15
15 апреля 1943 года. Курск, железнодорожная станция	23
16 апреля 1943 года. Утро в сосновом бору	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Никлас Бурлак

Американский доброволец в Красной Армии

На Т-34 от Курской дуги до Рейхстага. Воспоминания офицера-разведчика. 1943-1945

Приношу благодарность редактору этой книги Кэтрин Райт, а также моим родственникам и друзьям в США и бывших республиках Советского Союза, которые были первыми ее читателями, еще в рукописи: Уильяму Тимп-сону, Гейлмари Киммел, Соне Бошко, Грегу Кингу, Науму Хомскому, Пийту Сигеру, Марку Соломону, Гарри Доттерманну, Келли Тимпсон, Софии Кугель, Валерии Бурлак, Дороти Литт, Мартину Шоцу, Ави Хомской, давшим мне немало ценных советов и замечаний. М.Дж. Никлас. Ньютон, США Июнь 2009 г.

Предисловия к Американскому изданию

Человек мира, воин мира

Вам предстоит встреча с человеком интересной и невероятно сложной судьбы, который трижды оказывался на краю могилы. Приятели и друзья зовут его просто Никлас, а литературный псевдоним его – М.Дж. Никлас.

Он родился в городе Бетлехеме, в графстве Нортхемптон штата Пенсильвания, в Соединенных Штатах Америки. Там он прослыл «истребителем крыс»: из снайперской пневматической винтовки научился бить крысу в глаз, как охотники в Сибири добывают белок.

А на Бродвее, в Нью-Йорке, его стали называть художником-моменталистом. На Украине, в Донбассе, он стал ворошиловским стрелком. В Актюбинске Казахской ССР он работал художником-оформителем областного кинотеатра «Культ-Фронт».

В Москве же он был курсантом военной спецшколы № 3 Центрального штаба партизанского движения.

В июле – августе 1943 года Никлас стал участником величайшей танковой битвы на Курской дуге.

Он был тяжело ранен, с полной потерей сознания. Похоронная команда сочла его убитым. С него, как положено, сняли жетон. Его матери отправили похоронку: «Пал смертью храбрых». Однако Никласу не суждено было оказаться зарытым в землю. Его спасла «принцесса Оксана», медсестра – первая фронтовая любовь Никласа. Осматривая со своей санитарной группой поле боя, она обнаружила будущего автора этой книги на краю братской могилы, прильнула к его груди – и почувствовала едва заметное биение сердца...

В июле 1944 года Никлас участвовал в освобождении заключенных из немецко-фашистского концлагеря смерти Майданек.

В конце февраля 1945 года в Померании он освобождал из лагеря военнопленных несколько тысяч американских и британских летчиков.

В начале марта 1945 года между городами Альтдамом и Штутгартom Никлас со своим танковым экипажем спас американского летчика-истребителя из штата Массачусетс капитана Ричарда О'Брайна, сбитого «Мессершмиттами».

Участвуя 862 дня в сражениях против немецко-фашистских агрессоров, он был четырежды ранен и дважды контужен, но каждый раз снова и снова возвращался на передовую.

Его не призывали на военную службу. В Красной армии он был американским добровольцем, так как агрессоры покушались не только на страны Западной и Восточной Европы, но и на его родину – Соединенные Штаты Америки.

2 мая 1945 года на одной из колонн Рейхстага среди автографов, оставленных советскими солдатами и офицерами на русском, белорусском, украинском, казахском, армянском, грузинском и других языках СССР, появилась надпись и на английском, выцарапанная осколком снаряда. Это был автограф армейского разведчика М.Дж. Никласа.

Вся его послевоенная жизнь в СССР была связана со сценическим искусством и международным культурным обменом со многими странами мира. В Кремлевском дворце съездов и на сценических площадках столичных городов союзных республик в постановке Никласа шли театрализованные представления и спектакли: «Мелодияс де Верано», «Золотая осень», «Вам улыбаются звезды», «Подмосковные вечера», «Приключения Николки-космонавта» и др.

Вернувшись на родину, в Штаты, он пишет и представляет в Бостоне на английском языке свою устную трилогию *The Death of a Giant* и пьесу *Wish You All a Happy New Year!*

В настоящее время Никлас работает над продолжением книги *LOVE & WAR* и пишет серию непридуманных новелл под общим названием: «Янки в стране большевиков, или Сага о Бурлаках». Эту серию новелл Никлас называет своей «лебединой песней».

Грег Кинг, писатель

Бостон, США Июнь 2009 г.

Американец, защищавший советскую землю

Что может быть лучшим поводом написать мемуары, как не увиденные собственными глазами жестокость, деструктивность и ужасы войны? Что может быть лучшим поводом, как не желание заполнить большие лакуны в знаниях молодежи разных стран: не каждый юноша и девушка расскажет сегодня о том, кто с кем воевал и кто победил во Второй мировой войне. Кто может лучше других рассказать об огромном вкладе советского народа в дело победы над фашизмом, как не американец, который был участником той войны в качестве добровольца Красной армии, несколько раз был ранен, стал свидетелем немецко-фашистских зверств в лагерях смерти и который вместе со своими товарищами по оружию завершил победные сражения у стен берлинского Рейхстага. Все это вы найдете в монументальной книге М.Дж. Никласа «Любовь и война».

Работа автора исследует противоречивую, казалось бы, взаимоисключающую и, вместе с тем, неразрывную связь между любовью и войной. Страстная любовь молодого Никласа к юной и красивой медсестре, его глубокое уважение к товарищам по оружию в разгар трагических событий – все это подтверждает неудержимый потенциал человеческого существа в его стремлении преодолеть ужасы войны и выйти на качественно более высокий уровень людской солидарности.

Мы должны знать суровую правду о трагедиях той войны. Нам нужна новая эпоха прочного мира. Всем нам необходимо прочесть и поразмыслить над искренней, щемящей мемуарной работой М.Дж. Никласа.

Профессор Марк Соломон, автор книги The Cry Was Unity

От автора

Моим товарищам по оружию посвящаю

Всю жизнь я веду дневники, записываю все интересное и значительное, происходящее вокруг меня. Некоторые дневники сохранились, другие пропали, но все равно у меня их накопилось немало. Мои записи времен той, как ее называли, «священной войны» – это заметки обычного 17—19-летнего парня, оказавшегося в необычной ситуации, – записки американского добровольца, воевавшего с фашистскими агрессорами в рядах советской Красной армии и оставшегося живым.

О событиях, свидетелем и участником которых мне довелось тогда быть, я бы сегодня написал несколько иначе, чем сделал это тогда, во время войны. Блокноты более шестидесяти лет пылились в таком же старом, как и они, чемодане. Страницы в них пожелтели и стали хрупкими. Долгое время меня терзали сомнения: кому они нужны? Ведь на эту тему уже написано художественной и документальной литературы – море; фильмов и пьес о любви и о той войне – не счесть...

Но теперь все чаще и чаще из жизни уходят мои боевые товарищи. И вскоре, подумал я, в живых не останется подлинных свидетелей и очевидцев, способных рассказать правду о той войне и опровергнуть вымыслы многих горе-историков, вешающих молодым людям на уши лапшу гуще той, которую придумывал сам министр нацистской пропаганды Геббельс. Именно это заставило меня обратиться к моим старым блокнотам и написать настоящую книгу.

Для начала своего повествования я решил взять последнюю страницу блокнота:

9 мая 1945 года. Берлин, Германия

Спустя неделю после капитуляции группировки немецко-фашистских войск в Берлине к зданию Рейхстага прибыла группа советских военных корреспондентов, получивших задание описать празднование Дня Победы. На площади перед Рейхстагом толпились тысячи солдат и офицеров, водка лилась рекой по случаю взятия столицы гитлеровской Германии. Среди прибывших газетчиков был и Борис Полевой – известный журналист из «Правды», автор «Повести о настоящем человеке». Главы из нее мы читали в каждом номере газеты, у красноармейцев эта повесть пользовалась большой популярностью.

Полевой перевел взгляд с ликующей толпы и с изумлением стал рассматривать стены Рейхстага. Перед ним были «автографы» солдат и офицеров Красной армии, штурмовавших Берлин. Их было много тысяч снаружи здания и внутри от пола до потолка. Солдаты писали и вырезали свои имена чем только было можно: в ход шли ножи, штыки, осколки снарядов, стреляные гильзы, краски, чернила, жидкая смола... Всем им хотелось оставить след, запечатлеть имена победителей немецко-фашистских агрессоров.

– Гляньте-ка! – воскликнул Полевой, увидев необычный автограф на восточной стене Рейхстага. – Что за чертовщина!

Текст был написан не славянской кириллицей, не армянским, грузинским, не узбекским или казахским шрифтом, а по-английски.

– Видали, а? – Полевой снова обратился к своим спутникам. – Как, вы думаете, этот янки оказался 2 мая в Берлине? Нам ведь говорили, что американцев или англичан тогда не было здесь, только наши.

Автограф, так удививший тогда Бориса Полевого, и не только его, был действительно странным. На стене Рейхстага было выведено:

Bethlehem, Pennsylvania, U.S.A. – Makeevka, Donbass, Ukraine – Aktyubinsk, Kazakhstan – Berlin, Germany.

2 May 1945 Nicholas

(Бетлехем, Пенсильвания, США – Макеевка, Донбасс, Украина – Актюбинск, Казахстан – Берлин, Германия.

2 мая 1945 Никлас)

– Бетлехем, Пенсильвания, США? – переспросил Полевой. – Не там ли крупный сталелитейный завод Америки? Может быть, этот американец приехал на Украину, чтобы строить такой же в Макеевке?

– Ну да, как многие иностранцы в 20—30-х годах, – подхватил другой корреспондент. – Шпионить. Слушайте, – продолжал он, – а ведь после Макеевки он оказался в Актюбинске. Не удивлюсь, если узнаю, что его сослали.

– Предположим, – сказал Полевой, – его выслали. Но как он оказался здесь, в Берлине, с Красной армией, 2 мая?

– Может, со штрафбатом? – предположил корреспондент.

– Возможно, возможно, – задумчиво молвил Полевой. – А все же, сдается мне, интересная история за этим автографом. Надо бы разыскать этого человека во что бы то ни стало.

Свидетелями этого разговора был я, мой начальник и другие офицеры отдела разведки 2-й гвардейской танковой армии.

– Почему бы тебе не сказать Борису Полевому, что ты являешься автором этого автографа? – спросил меня начальник.

– Боюсь, используют и извратят сюжет, – ответил я полушутливо. – Он мне самому когда-нибудь пригодится...

М.Дж. Никлас

Ньютон, Массачусетс Июнь 2009 г.

9 февраля 1943 года

Московская военная спецшкола

Центрального штаба партизанского движения

Сороковые, мной не забытые, словно гвозди, в меня забитые...
Юрий Левитанский

Сегодня в шесть утра радио передало добрую весть от Советского информбюро. Диктор Юрий Левитан знакомым всей стране баритоном сообщил, что советские войска Воронежского фронта под командованием генерала Ивана Черняховского двумя ударными группами полностью освободили старинный русский город Курск от немецко-фашистских захватчиков.

Оккупация города длилась 463 дня. За это время более 2 тысяч курян было замучено и застрелено немцами, 10 тысяч человек угнано на принудительные работы в Германию и еще столько же умерло в Курске от эпидемий и голода. Уходя из города, немцы сожгли или взорвали все многоэтажные жилые дома, здания мединститута и пединститута, все школы и библиотеки, Дома культуры, собор, театр и цирк.

Я вспомнил, как полтора года назад, в самом начале Великой Отечественной войны, я попытался попасть на фронт в качестве снайпера. На моем счету к тому времени было участие в двух командных первенствах старшеклассников Совколонии (района Макеевки), а позже и самого города по стрельбе из мелкокалиберной винтовки и еще почетный знак «Ворошиловский стрелок». Я пришел в горвоенкомат с заявлением и удостоверением, как мне тогда казалось, настоящего снайпера, а также собственноручно заполненным личным листком по учету кадров. Со мной были мои верные друзья – Шурка, Борис и Толя.

Мы подошли к дежурному, подали ему свои документы и рассказали ему биографию Аркадия Гайдара. Он, едва заметно усмехнувшись, дал нам личные листки по учету кадров. Мы их заполнили, расписались, и он с нашими документами куда-то ушел. Вернувшись, всем, кроме меня, вернул документы и выдал повестки на медицинскую и какую-то «мандатную» комиссии, которые должны были определить, в какие военные училища можно нас направить.

– А мои документы где? – удивился я.

– Они у военкома майора Баева. Будете говорить с ним. Идите прямо по коридору. Последняя дверь справа.

– Счастливчик! – шепнул мне Шурка. – Тебя, как лучшего снайпера в Совколонии, направят, наверное, прямо на фронт; а нам – неизвестно, сколько в училищах еще торчать!

Подошел я к заветным дверям. Стучу. Молчок. Стучу громче. Снова молчок. Открываю дверь и вхожу в кабинет. Военком сидит и рассматривает какие-то документы. На столе слева от него горит настольная лампа с зеленым абажуром. Всю ночь, наверное, работал, бедняга, подумал я. Над ним на стене портрет Сталина, написанный маслом. На противоположной стене профили Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, написанные на холсте сухой краской вразострелку. На столе справа от него бронзовый бюст Сталина. Сам военком весь в бумагах. На меня никакого внимания не обращает. Я громко кашлянул. Он поднял голову и посмотрел на меня с удивлением:

– Кто такой? Как здесь оказался?

Я доложил о себе по всей форме, как учил нас Гришка-бабник. Военком нашел на столе мои документы: паспорт, заявление, удостоверение ворошиловского стрелка и заполненный мною личный листок по учету кадров. Долго читал мой личный листок. Я обратил внимание на его нос. «Он как у композитора Мусоргского на картине Репина: большой, красноватый и еще с темными крапинками», – отметил я.

– За границей родился?

– Так точно, товарищ майор!

– В Америке, значит?

– Так точно, товарищ майор, в Америке! Товарищ Сталин во вчерашней речи сказал, что на стороне СССР народы Европы и Америки...

– Родственники за границей имеются? – не дав мне закончить, спросил носатый военком.

– Имеются, товарищ майор! – ответил я и добавил, полагая, что это меня оправдывает согласно политике пролетарского интернационализма: – Моя старшая сестра Энн – национальный секретарь текстильных рабочих Америки! За профсоюзную деятельность ее намеревались сжечь на электрическом стуле в Атланте, штат Джорджия.

– В переписке с заграницей состоишь?

– Так точно, товарищ майор! Но только со старшей сестрой Энн по кличке Red Flame («Красное пламя»)...

Я заметил, что каждый раз, когда я произносил «товарищ майор», его вроде бы передергивало. Я даже подумал, что может мне сказать: «Тамбовский волк тебе товарищ!»

Я ненамного ошибся.

– Забирай свои документы и мотай отседа. Красная армия не нуждается в иностранцах! – грубо произнес майор Баев.

Обозлившись на грубияна, я указал на профили «классиков марксизма-ленинизма»:

– Как же в таком случае прикажете мне понимать учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о пролетарском интернационализме, товарищ майор? Почему в каждом номере газеты «Правда» на первой странице сверху мы видим призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Вернусь домой и напишу товарищу Сталину письмо. И напишу ему, что товарищ майор Баев не совсем правильно понимает, к чему призывает всех газета «Правда».

– Что-что? Что ты, падла американская, сказал? Жаловаться на меня – майора Красной армии? – взорвался он. Его лицо при этом покрылось багровыми пятнами. Он встал с кресла и шагнул ко мне, положив правую руку на кобуру, из которой торчала ручка нагана. – Я сказал: забирай свои сраные документы и уябуй отседа к е... матери, пока я не сделал большую дыру в твоём американском черепке!

Мой Пап меня учил: если видишь, что тебе кто-то по-настоящему угрожает, – бей первым.

Я посмотрел на бронзового Сталина и подумал: «Вот если бы я успел схватить его и врезать военкому по носу, успеет ли он сделать дыру в моем американском черепке?»

Но здравый смысл взял верх над эмоциями. Вместо бюста Сталина я схватил свои документы и опрометью выскочил из Макеевского военкомата.

– Ну что, Ник, тебя шлют прямо на фронт? – спросили ждавшие меня ребята.

– Он настоящий враг народа! – выпалил я, трясаясь от негодования.

– Но-но, Ник, – произнес Шурка. – Ты с такими словами поосторожнее. Не то знаешь куда можно загреметь?

– Я все равно буду на фронте, – твердо заявил я. – Вот увидите!

Теперь я почти у цели. Благодаря случайной встрече (о которой я еще скажу ниже) со знаменитым писателем-орденоносцем Алексеем Николаевичем Толстым, замолвившим за меня словечко «где надо», меня направили на учебу не куда-нибудь, а в «специальную и совершенно секретную» школу диверсантов, располагавшуюся в центре Москвы.

В этой школе мы занимались по четырнадцать часов в сутки без выходных и без увольнительных: учились азбуке Морзе и владению телеграфным ключом и портативными радиостанциями «Северок» и «Белка», стрельбе из различного советского и трофейного немецкого огнестрельного оружия, подрыву железнодорожных путей и мостов, вождению различных транспортных средств, прыжкам с парашютной вышки в Измайловском парке.

23 февраля 1943 года. День Красной армии и Военно-морского флота

По случаю празднования дня Красной армии наши занятия отменили. Всех курсантов заставили мыть полы, окна, стены, двери в аудиториях, комнатах, коридорах.

– К нам по случаю праздника, – озираясь, полушепотом сообщил старшина, – на торжественное собрание приезжают высокие гости. Все должно сверкать.

– Кто приезжает?

– Это большой секрет! – ответил старшина.

Мы поняли, что он сам не знает точно, кто к нам приезжает.

Уборкой 30-й аудитории вместе со мной занималась моя сокурсница, красивая девчонка Ада Рокоссовская. Ее фамилия была громкой и широко известной, так как генерал Константин Константинович Рокоссовский был участником разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и затем командующим Донским фронтом в Сталинградской битве. Он лично пленил и разоружил немецкого фельдмаршала Паулюса. Но Ада никогда не говорила мне, что она родственница генерала. Я думал, что вряд ли такой известный генерал, как Рокоссовский, отдал бы свою дочь или просто родственницу учиться в особо опасной и секретной партизанской школе, как наша. Если кто-либо спрашивал Аду, не родственница ли она Рокоссовского, она отвечала коротко и просто: «Мы однофамильцы».

А во время уборки 30-й аудитории она спросила меня:

– Вальс-бостон вечером станцуем?

– С тобой, Ада, – всегда с огромным удовольствием! – обрадовался я.

Вечерами по воскресеньям у нас в большом актовом зале устраивали танцы. Парней в школе было много, а девчонок мало. Чтобы привлечь к себе внимание Ады, я рассказал ей как-то все, что знал о вальсе-бостоне и о его авторе. О том, что танец появился на свет в 1872 году в американском городе Бостоне, куда из Вены на гастроли в Америку приехал всемирно известный король вальсов Иоганн Штраус. В Советском Союзе музыка Штрауса стала особенно популярной после того, как в 1940 году на экранах страны с ошеломляющим успехом прошел американский фильм «Большой вальс» с участием Фернана Гравея в роли Штрауса, Милицы Корьюс в роли Карлы Доннер и Луизы Райнер в роли жены Штрауса.

– Фильм этот в Америке получил сразу три «Оскара», – с многозначительным выражением лица сообщил я Аде.

– Откуда ты все это знаешь? – спросила она.

– Мне об этом рассказала моя старшая сестра Энн. Она же меня научила танцевать танго и вальс-бостон. Да так здорово у меня стало получаться, что в начале июня 1941 года мы с моей одноклассницей и партнершей Инной Керн-Быковой завоевали первый приз. Это было на танцплощадке в Макеевке. Да, первый приз – именно за исполнение танго и вальса-бостона!

Я не сказал Аде, что Энн живет в Бостоне. В нашей партизанской школе вообще никто, кроме большого начальства, не должен был знать, что я родился и жил в Америке. Никто, кроме начальства школы, не знал, что по ночам меня иногда увозили на радиостанцию имени Коминтерна, которая в то время вела на английском языке передачи на Соединенные Штаты, Канаду и Великобританию. Там я кое-что рассказывал о советском партизанском движении.

К вечеру все помещения нашей школы на Садово-Кудринской снаружи и внутри сверкали чистотой. Ровно в 18.00 на сцене актового зала в президиуме появились вместе с нашим начальством маршал Ворошилов и герой Сталинградской битвы генерал Рокоссовский. Мы вскочили и долго аплодировали, пока Ворошилов жестами не усадил нас. Но когда в зале и на сцене в президиуме все расселись по своим местам, мы с изумлением увидели между Вороши-

ловым и Рокоссовским нашу Аду! В зале сразу зашептали: «Смотрите, как они похожи. Это же дочь! Потому они к нам и приехали. Похожи, похожи...»

После торжественного собрания в зале все стулья раздвинули под стенки, возле больших зашторенных окон, и посередине зала образовалось пространство с до блеска натертым паркетным полом.

Ворошилов, Рокоссовский и Ада вместе с нашим школьным начальством сели в первом ряду на противоположной стороне от меня и группы наших курсантов – посмотреть, на что мы гожи в бальных танцах. Затем произошло самое удивительное.

Как только из динамиков послышались первые звуки венского вальса и в центре зала появились первые кружащиеся в ритме пары, генерал Рокоссовский поднялся во весь свой двухметровый рост, расправил широкие плечи и, чуть наклонив голову, протянул руку дочери. Она встала, сделала что-то наподобие книксена, и они, к изумлению всех присутствующих, грациозно вошли в круг уже начавших танцевать.

По тому, как они закружились в вальсе, стало ясно, что танцуют они вальс вместе не впервые. Генерал Рокоссовский вел свою «даму», как настоящий многоопытный кавалер. На это обратили внимание все. Мне подумалось: будь генерал не в своей ладно сидящей на нем военной форме, а во фраке и Ада в настоящем бальном платье, эта пара покорила бы и жюри, и публику любого международного конкурса бальных танцев.

Прозвучали последние аккорды вальса, и Рокоссовский проводил Аду и потом, снова чуть склонив голову, сел с ней рядом. Они обнялись и поцеловались. В зале раздались аплодисменты. Всем нам преподали прекрасный урок этики и эстетики.

Понятно, что после того первого вальса никто из наших курсантов, включая меня, не осмеливался подойти к Аде и пригласить ее на очередные фокстроты, танго, румбы и вальсы. Я смотрел издали на девушку, на Ворошилова и Рокоссовского и, грешным делом, мечтал о том, чтобы наши высокие гости поскорее (до окончания вечера) покинули школу, а у меня появилась бы возможность станцевать с Адой наш любимый вальс-бостон. «Мечты мои, мечты мои...»

И вдруг из репродукторов прозвучали знакомые нотки нашего любимого с Адой вальса-бостона. Ада, вероятно, сказала что-то смешное отцу и Ворошилову, и они рассмеялись. Она встала и через весь зал направилась в мою сторону. Ко мне или не ко мне? Когда между нами оставалось около двух метров, она протянула мне руку, сомнения мои отпали, и я шагнул к ней навстречу.

Она прижалась ко мне так тесно, что у меня закружилась голова, как от бокала шампанского. Так у меня бывало с моей макеевской партнершей Инной Керн-Быковой во время исполнения танго или вальса-бостона. Она тоже любила во время этих танцев приближаться ко мне очень, даже, пожалуй, слишком близко...

В конце этого вечера начальство школы и Ада проводили наших высоких гостей до проходной, от которой вокруг наших зданий шел высокий забор с колючей проволокой.

После проводов гостей мы с Адой встретились при погашенном свете на лестничной площадке между женским и мужским общежитиями, где она впервые поцеловала меня так, что у меня захватило дух и я боялся задохнуться. Так страстно меня еще никто не целовал. Я решил ответить тем же. Набрал полные легкие воздуха и стал так крепко ее целовать, да так, что Ада едва не потеряла сознание.

Если бы нас застукал на площадке дежурный офицер, то наказал бы и ее и меня. Но, вопреки всему, за первыми двумя поцелуями последовали еще и еще, и мы продолжали дарить их друг другу до головокружения...

10 апреля 1943 года. Госпиталь в Пушкино

Лежу в палате выздоравливающих. Пытаюсь вспомнить и записать, как все было. С чего все началось?

На наши практические занятия в той части Измайловского парка, которая была абсолютно закрытой для посторонних лиц, появился совершенно незнакомый всем нам гражданский. Высокий, стройный, по-военному подтянутый. Он был одет в козий колушок, шапку-ушанку и валенки. На руках у него были перчатки явно не советского производства. Скорее всего, американские или немецкие. Человек этот показался мне похожим на моего директора кинотеатра «Култ-Фронт» в Актюбинске. У него было такое же широкоскулое, мужественное лицо и острый взгляд. Мой директор до войны был летчиком-истребителем. А этот кто?

Незнакомец внимательно присматривался к нашим прыжкам с вышки и к тому, как мы готовили и затем подрывали учебный отрезок железнодорожного полотна. Отрезок пути, кстати, каждый раз заново прокладывали специально для наших практических занятий по подрывному делу. Мы пытались спрашивать нашего старшину, кто этот гражданский, но в ответ видели лишь указательный палец у губ и слышали что-то наподобие «тсы-с-с!». Мы поняли, что старшина и сам не знает, кто этот гражданский и почему он здесь.

На следующий день меня и еще двух курсантов нашего взвода вызвал к себе начальник школы полковник Стрельцов. У него в кабинете сидел вчерашний гость, которого нам представили Александром Петровичем, он без лишних слов приступил к делу:

– Я вчера видел, кто и как из вас прыгает с вышки, как приземляется, кто и как по-пластунски полз к железнодорожному полотну, как закладывал и маскировал взрывчатку. Одни словом, вы трое показали вполне достойные результаты. Полковник Стрельцов рассказал мне, кто из вас и как владеет советским и немецким оружием, как владеете рацией. Вы трое мне подходите... точнее – подойдете, если скажете, что готовы сегодня же ночью вместе со мной отправиться в тыл врага.

Теперь мы поняли, что перед нами – командир партизанского отряда!

Наш ответ прозвучал почти хором:

– Так точно, готовы!

Начальник школы полковник Стрельцов и Александр Петрович переглянулись и улыбнулись.

– Что я вам говорил? – произнес Стрельцов.

– Лады! – сказал Александр Петрович. – Школу покидаем через пятнадцать минут после отбоя, когда все, кроме дежурных офицеров, будут уже спать. Учтите чрезвычайно важное предупреждение: ни с кем, ни о чем не делиться, ни словом не говорить об уходе на задание. Письма не писать, все документы, личные вещи и фотографии сегодня же сдать в школьный сейф.

– А также напишите на листе бумаги и сдайте мне лично до вечерней поверки, кому и по какому адресу каждый месяц ваши шестьсот рублей... посылать... ежели что, – добавил наш начальник школы. Он посмотрел на нас внимательно и строго, потом спросил: – Вопросы или пожелания есть?

Вопросов у нас не было. А пожелание у меня лично было взять с нами на задание Аду-Адусю. Но высказать это вслух я не осмелился. Наверное, этот вопрос, подумал я, им пришлось бы согласовывать с ее отцом-генералом.

В полночь в закрытом американском «Виллисе» Центрального штаба партизанского движения нас четверых – троих курсантов и Александра Петровича – повезли от Планетария на Садово-Кудринской в сторону Калужской и далее в западном направлении. Через несколько суток комбинированного пеше-автомобильного марша мы оказались за линией фронта.

Нам дали сутки, чтобы отдохнуть и обустроиться.

Досыта выпавшись, стали знакомиться с жизнью партизанского отряда. Расспрашивали о том о сем мужчин и женщин, молодых и старых. Каждый рассказывал свою историю о том, как и почему он оказался в партизанском отряде.

В общении с партизанами я убедился в том, что АП (так в отряде звали Александра Петровича) пользуется уважением в отряде. В целом же жизнь партизан была тяжелой, и это было видно во всем: в суровые морозы они ютились в землянках, жили впроголодь. Их жизнь была, по сути, ежедневной игрой со смертью. Сейчас, когда я вспоминаю те дни, мне на ум приходит строчка из Хемингуэя: «Мужчины, никогда прежде не воевавшие, не умевшие обращаться с оружием, хотевшие лишь получить еду и работу, продолжали сражаться». Это и про наших партизан тоже.

На следующий день – было три часа пополудни – АП позвал нас, троих добровольцев, к себе.

– Сейчас ложитесь поспите, – сказал он, – а в девять вечера пойдете со мной на всю ночь. Предстоит важное задание. Холодает, к вечеру может быть до минус сорока. Проверьте обмотки и валенки. Все должно быть совершенно сухим.

Как состояние обуви и обмоток может быть связано с важностью ночного задания? Это я понял, увы, с опозданием.

Спать мы не пошли, я никогда днем не ложился даже подремать. Нам было гораздо интересней походить вдвоем по лагерю, посмотреть, как живет отряд. Увидели нескольких мужчин, недавно вернувшихся в лагерь и теперь чинивших свои овчинные тулупы. Скорее всего, они повредили их, пролезая под колючей проволокой. Другая группа людей (среди них – две женщины) готовилась к выходу на очередное задание; эти партизаны тщательно осматривали свои обувь и оружие. На кухне стряпали две поварахи. Неподалеку от кухни, на опушке, стоял тщательно замаскированный самолет – «кукурузник-этажерка», предназначенный в мирное время для обработки посевов. На таких еще учились пилотировать курсанты летных школ. И это в партизанском отряде! В лесу! Никому из нас даже не снилось подобное!

Интересно, он летает? Или просто здесь ржавеет? – недоумевали мы. Подойдя поближе, мы увидели в кабине старика. На коленях он держал новехонький советский автомат.

– Вы – летчик? Летаете на этом самолете? – спросил я.

– Да не-ет, – отвечал старик. – Пилот отсыпается после ночного вылета. А я – часовой. Сторожу, значит, днем самолет.

– Часовой? А почему вы нас не остановили?

– Так вы ж свои, вчера приехали с Александром Петровичем...

– И куда же летает эта «птичка»? – спросил один из нас. – Если не секрет.

– А летает она по ночам, – сказал часовой. – Днем мессеры ее легко собьют. Знаете, а ведь эта «птичка» спасла немало жизней. Она перевозит больных и раненых партизан через линию фронта в тыловые госпитали, а возвращается со свежими газетами, журналами и почтой. И еще с новенькими автоматами.

АП не говорил нам, что в отряде есть биплан для перевозки раненых. Впрочем, с какой стати ему было сообщать нам об этом?

Время шло, быстро холодало, было уже 25 градусов ниже нуля. Ночь грозилась быть очень холодной, видать, готовилась «угостить» нас трескучим морозом. Но откладывать наше задание никто не собирался.

Мы оделись в стеганные ватные телогрейки и такие же штаны, после чего стали похожи на обычных селян. Натянули на ноги валенки с меховой оторочкой, под валенками были обмотки из шерстяной фланели. Каждому из нас выдали тонкий белый маскхалат с капюшоном на тот случай, если понадобится стать незаметным на снегу.

Опустив клапаны на ушанках из кроличьего меха, в девять вечера вышли на лыжах из лагеря. Несли взрывчатку, телефонный провод, и у каждого был такой же новенький автомат, как и у сторожившего «кукурузник» часового.

Никто не задавал лишних вопросов о том, что именно и где мы будем взрывать. Через два часа подошли к железной дороге. Только тогда АП сообщил, что, согласно разведанным, сегодня здесь между двумя и тремя ночи должен пройти на Орел немецкий воинский эшелон. Состоит он из тридцати теплушек с солдатами и множества платформ с новыми бронетранспортерами и танками. Длина поезда, сообщил АП, 500 метров. Взрывчатку нужно заложить вдоль полотна в пяти местах, на равном расстоянии друг от друга, и длина заминированного участка должна составлять полкилометра. Заряды, подсоединенные к одной подрывной машине, должны сработать одновременно. Предстояло все сделать так, как нас учили в Москве.

Работали мы быстро, всё успели подготовить вовремя. Затем залегли в снег и стали ждать появления эшелона.

– Когда состав окажется между первым и последним зарядом, замкнем цепь и взорвем путь. Все ясно? Потом быстро вернемся в лагерь, – сказал Александр Петрович.

– А если за нами погонятся? – спросил один из нас.

– О преследователях позаботились, – ответил АП. – На опушке леса наши люди заложили противопехотные мины.

Пока мы шли на лыжах, двигались, то мороза практически не чувствовали. Другое дело, когда приходилось лежать в снегу. Холод пробирался под тулупы, проникал в валенки. Мне казалось, что мои ступни и пальцы ног исколоты иголками.

Дождались трех ночи, а эшелона все не было. Прождали еще два часа, почти до рассвета, но безрезультатно. Наконец АП решил, что либо он получил неверные сведения, либо эшелон остановлен из-за сильного мороза.

– Придется возвращаться в лагерь. Дождемся новых сведений от нашего связного, – сказал он и приказал убрать из-под полотна взрывчатку и смотать провод.

Покалывания и боли в ногах я больше не чувствовал. Попробовал встать, но ноги отказывались слушаться и словно одеревенели. Я не мог ступить и шагу. АП сразу все понял и сказал:

– Ничего, парень. Вот дело сделаем и займемся тобой.

Ошеломленный, я неподвижно лежал и смотрел на то, как мои друзья заканчивают работу без меня. И это все? А какие благородные были у меня порывы! Я чувствовал себя абсолютно беспомощным. Я – обуза для моих боевых товарищей! Мелькнула мысль: из такого положения есть лишь один выход. АП, видно, догадался о ходе моих мыслей и отобрал у меня пистолет, нож и автомат. Мои друзья смастерили из маскхалата волокушу и по очереди дотащили меня до лагеря.

Седа санитарка разместила меня в теплой землянке, стащила с меня валенки, внимательно осмотрела мои ступни, обернула каждую кусками толстого ватина, приготовила большую кружку травяного чая. Я выпил его и заснул.

Проснулся, когда уже начинало темнеть. В землянку вошел АП.

– Какая стадия? – спросил он санитарку.

– Поверхностное обморожение, – ответила она.

– Волдыри есть?

– Есть несколько штук.

– Кожа какого цвета?

– Ступни обморожены, чувствительность отсутствует, цвет кожи восковой. Надо везти его в Пушкино, и как можно скорее. Там знают, что делать.

– Мамаша, – обратился я к ней как можно вежливее; я был потрясен, – речь идет об ампутации?

– Нет-нет, не об этом, сынок, – успокоила она меня. – В Пушкине есть госпиталь для партизан. Там умеют лечить обморожения. Недели через три-четыре будешь плясать.

– Ну, счастливо, парень. Увидимся после победы, – сказал АП и вышел из землянки.

Добрая санитарка дала мне еще кружку с теплым питьем, и через несколько минут я снова уснул.

Наутро я проснулся уже в Пушкине, в госпитальной палате. Лежал в кровати с мягкими подушками, чистыми простынями и теплым одеялом.

Через три недели интенсивного лечения я уже ходил без костылей, и не только по коридорам госпиталя, но и вокруг здания. Главврач пообещал, что меня выпишут со дня на день.

– Как думаете, меня примут обратно на курсы? – спросил я его.

– Вчера мы говорили о тебе с полковником Стрельцовым, – ответил главврач. – Тебе уже взяли билет на поезд Москва – Актюбинск.

Спорить было бесполезно. Итак, меня хотят отправить обратно в Казахстан. Я недоумевал: как же так, я могу самостоятельно ходить, но меня считают непригодным к службе. Как быть? Что мне делать?

Я не спал всю ночь. Утром меня выписали и на электричке отправили в Москву. К этому времени в моей голове созрел новый план. Ладно, думал я, не все пропало. Так дело не пойдет, дорогие товарищи! Разве можно со мной так – после того, чему я учился в Актюбинске и военном училище под руководством полковника Стрельцова?! Да я соберу свои пожитки, порву ваш билет до Актюбинска, в Москве пойду в военкомат и попрошусь на фронт с первым же эшелоном. Попрошу, чтобы отправили меня на Курскую дугу, на Центральный фронт, которым командует генерал Рокоссовский, отец Ады. Уж кому-кому, а ему-то обученные солдаты нужны позарез!..А вдруг попросят показать паспорт? – подумал я. Ведь там на первой же странице черным по белому написано, что я родился в Соединенных Штатах. В военкомате, увидев, что я американец, откажут – так же, как уже отказали однажды в Макеевке. Решено!

Приехав утром в Москву, я вошел в первый попавшийся общественный туалет, изорвал свой паспорт на мелкие куски и выбросил. Прощай, американец! Я родился не в США, а в Макеевке! Кто проверит? Макеевка на территории, оккупированной фашистами. Я готов бить фашистов! Имею право? Имею!

На улице Горького, неподалеку от Белорусского вокзала мне на глаза попала вывеска: «Фрунзенский райвоенкомат г. Москвы». Вошел, рассказал дежурному военному с двумя «кубарями» в петлицах свою легенду и отрапортовал, мол, готов хоть сегодня отбыть добровольцем на фронт с любой маршевой ротой или маршевым батальоном. А вот ночевать мне негде: дом разбомбили. Показал значок «Ворошиловский стрелок» и удостоверение к нему. Офицер взял их и пошел к военному. Вскоре вернулся и спросил:

– Фото есть?

– Конечно! – ответил я.

Через полчаса мне вручили красноармейскую книжку с приличной, сделанной еще в Актюбинске фотокарточкой, где я был с чубом и тонкими усиками. В книжке записали: «Доброволец-снайпер». Никаких «США» и в помине не осталось. Нерусский акцент? С Украины. Имя Никлас? Мама родом из Прибалтики. «Все путем!» – сказали бы в Макеевке.

Мне и другим новобранцам выдали форму: штаны и гимнастерки, ботинки, портянки, обмотки, шинели, пилюшки, вещевые мешки, в них – НЗ (неприкосновенный запас): два больших черных сухаря, один десятисантиметровый кусок дочерна закопченной колбасы и два сухих, как камень, брикета-кирпича из перловой крупы. Из них, я знал, можно в котелке сварить две порции «кондёра», то есть перловой каши. Выдали солдатские книжки.

Все призывники были парнями моего возраста. Они рассказывали о себе. Ни у кого из них, как и у всех тогдашних сельских жителей, работников советских колхозов и совхозов, оказалось, не было паспортов вообще. Они им были просто не положены. Я рассказал свою

легенду. Говорил в основном о Макеевке, о городском районе Совколония – все эти места я неплохо знал. Теперь-то, радовался я, не будут меня дразнить мерзопакостной частушкой, как было с тех пор, как наша семья приехала из Америки в СССР. Частушка была немудреной, но обидной:

Один американец
Засунул в ж... палец
И вытащил оттуда
Говна четыре пуда.

Вариант этого «шедевра»:

Один американец
Засунул в ж... палец.
И думает, что он
Заводит граммофон.

Идиотской песенкой меня изводили пацаны в Совколонии – по дороге в школу и обратно, пока я не стал носить с собой в школу мамин кухонный нож. Эти частушки «пели» вслед мне, моим братьям, отцу и маме не только в Украине. Мне их «исполняли» и в России, и даже в Казахстане. Я пытался понять, откуда в СССР такое презрительное, казалось мне, отношение к Америке и американцам? Возможно, из-за частушки из фильма «Волга-Волга»? В фильме 1938 года герой пел:

Америка России подарила пароход.
Две трубы, колеса сзади
И ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход!

...К 5 часам вечера 13 апреля в школе собралось около 600 человек новобранцев. Никто из них, кроме меня, не был добровольцем, все они были мобилизованы. И когда я кому-то из них сказал, что я доброволец, на меня посмотрели немного странно. Я решил больше не откровенничать на эту тему.

Все 600 новобранцев были надлежащим образом оформлены. В 7 часов вечера наш батальон построили в маршевую колонну и повели «пёхом» от Белорусской площади до Курского вокзала. Для меня и моих ног это расстояние казалось ужасно длинным. Шли по проезжей части улицы, а по тротуарам следом за нами двигалась небольшая группа женщин, девушек и мальчишек – родственники новобранцев, отправлявшихся на фронт. Этим людям хотелось насмотреться на своих близких, возможно в последний раз...

На платформе у длинного состава из теплушек я стал свидетелем грустных сцен прощания новобранцев со своими родными и близкими. Уезжающие держались как могли, а провожающие, никого не стесняясь, рыдали. Я смотрел на этих людей и думал: а что, если бы здесь оказалась Ада-Адуся, как бы я ей объяснил, что со мной произошло, почему я так внезапно исчез из нашей школы, как и почему я оказался в этой маршевой роте... И жалко, а вместе с тем и хорошо, что ее здесь не было, думал я.

Рядом со мной стоял паренек с гитарой за спиной. Его обнимала очаровательная девушка. Они целовались. Казалось, никак, никогда не смогут расстаться. В ее глазах стояли слезы, но было в них и еще что-то, что я не сразу понял. Она смотрела на него с восхищением. Влюбленные...

Прозвучала наконец команда «По вагонам!!!», и новобранцы стали заполнять теплушки. Толпа отпрянула, и поезд медленно двинулся вдоль перрона на юг. Парень с гитарой оказался в нашем вагоне.

До Подольска все мы сидели в нашей теплушке молча, на полу и на верхних полках, усталых старой, может быть, позапрошлогодней соломой. Но после Подольска, когда все поняли, что нас везут на юг, паренек взял гитару, прозвучало несколько аккордов... И вдруг он запел негромким, но чистым голосом.

Это была песня на известные всем нам стихи Константина Симонова, посвященные звезде советского экрана Валентине Серовой.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Слова брали за душу. Это потрясающей глубины и сердечности стихотворение Константина Симонова после публикации в «Правде» в 1942 году лежало, наверное, в нагрудном кармане у каждого фронтовика от рядового солдата до маршала. Его учили наизусть и повторяли в письмах с передовой. Его знали и в отряде Александра Петровича. Со словами все было ясно, но – мелодия! Мелодия, которую пел паренек с гитарой, нам очень понравилась.

За время жизни в Советском Союзе я узнал и полюбил музыку замечательных композиторов. Первой из всех была «Песня о встречном» Шостаковича, потом песни Дунаевского и Блантера, Фрадкина и Шамо, Богословского и Колмановского. Кто же был автором этой? Я спросил паренька, когда он закончил петь:

– Скажи, а кто автор мелодии, Дунаевский или Фрадкин?

Парень опустил глаза и тихо произнес:

– Я...

Несколько человек, включая меня, чуть не хором переспросили:

– Что? Что ты сказал?

– Это моя мелодия, – так же тихо и скромно ответил парень.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Родители и моя зазноба в Гнесинке – вы ее видели, на перроне – зовут меня так: Сашок.

– Спой нам еще что-нибудь свое, Сашок, – попросил его кто-то со второй полки.

Сашок подумал немного и сказал:

– Эти слова вы все хорошо знаете, но вместо мелодии, которая у всех вас на слуху, я сочинил свою.

И он запел песню, слова которой всем нам были давно известны, но музыку мы слышали впервые:

Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону.

Уходили комсомольцы
На Гражданскую войну.
Уходили, расставаясь,
Покидая чудный край.
Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.
И родная отвечала:
«Я желаю всей душой,
Если смерти, то мгновенной,
Если раны – небольшой»

– Потрясающе! – воскликнул кто-то.
Я был полностью согласен с такой оценкой.

Похоже, подумал я, с нами в теплушке едет на фронт будущий великий композитор. Не случайно его приняли в известное Гнесинское училище. Может, зря его отпустили на фронт, человека такого редкого таланта? Слушая замечательные мелодии и стихи в исполнении Сашка, мы и думать забыли о том, в каких неуютных, мягко говоря, условиях едем и не знаем точно, куда, на какой из южных фронтов нас везут.

В центре теплушки была железная печурка. По бокам – три полки. Первая – чуть выше пола; вторая – повыше; и третья под потолком. Двадцать пять человек по одну сторону, по другую – столько же. Печка не топилась. При таком количестве людей в этом весьма ограниченном пространстве и апрельской погоде затапливать печурку не было смысла.

Нам повезло. За всю ночь наш эшелон ни разу не попал под бомбежку. На рассвете остановились на небольшой станции. Сашок отложил гитару, выглянул из вагона и воскликнул:

– Ух ты! Это же мой родной город, это Елец! Вон там наш дом, а это – речка Сосна. – Он произнес название речки с ударением на первый слог. – Мы летом всегда приходили на Сосну ловить рыбу и купаться. Вода здесь до войны всегда была чистой и холодной. Знаете, ребята, ведь Елец, – продолжал Сашок, – это один из самых старых русских городов. Когда-то здесь была крепость, она защищала Россию от набегов половцев. А в XIV веке эту крепость все-таки взял Тамерлан...

Я понял, что Сашок – не только одаренный композитор и исполнитель замечательных песен, но еще и любознательный, начитанный парень. Если командование соединения, в которое мы поступаем, не возьмет Сашка во фронтовой ансамбль песни и танца, думал я, то совершит большую ошибку. Ведь песни Сашка подняли наше настроение, а значит, и боевой дух. Я, благодаря ему, на какое-то время забыл о боли в ногах. Будь бы моя воля, я бы без сомнений определил Сашка в ансамбль Александрова. Его место там, а не на передовой, где может с ходу погибнуть такой талант.

В 6 часов утра командир маршевого батальона, майор Фастов, объявил, что наш эшелон простоят здесь до вечера и двинется дальше, как только небо начнет темнеть. Мы вышли из вагонов, стали собирать сухие ветки, какие-то деревяшки, чтобы развести костер и приготовить завтрак. Вдруг Сашок закричал что было сил:

– Мама! Мамуся! Мамочка!

После этих криков он ошалело помчался через поле к женщине, которая появилась из-за домишек, стоявших на окраине Ельца, и теперь спешила к нему навстречу с протянутыми вперед руками.

Мы с изумлением наблюдали эту сцену. Возгласы Сашка удивили новобранцев, которые в это время выбирались из теплушек эшелона. Очень нежно, но при этом почти по-детски обращался сын к матери.

Потом Сашок рассказал нам, что мама всю неделю приходила на этот елецкий полустанок, осматривая все останавливавшиеся здесь эшелоны – в надежде встретить сына. И вот сегодня ей, наконец, несказанно повезло. Сашок из Москвы отправил ей письмо, где писал, что поедет на фронт, но точной даты не знал и не был уверен, что эшелон по пути окажется здесь. Но вот как все удачно сошлось.

Мать и сын сидели, обнявшись и разговаривая, на скамье у последнегодомишки на окраине Ельца, примерно в 800 метрах от поляны, на которой новобранцы со всех вагонов разводили костры и в принесенной с полустанка воде варили в новеньких блестящих котелках «кондёр» из своих НЗ-брикетов.

Кстати, кроме каши, нам разрешили съесть по сухарю и половину той самой, твердой как камень, колбасы. Чай, заваренный все в том же котелке, из которых перед этим ели «кондёр», был с ароматом каши, но и ему были рады.

В середине дня майор Фастов собрал весь батальон и рассказал нам, как вести себя в случае налета вражеской авиации в дневное и в ночное время.

– Вам всем следует бежать врассыпную и, услышав свист летящих бомб, бросаться на землю плашмя. Так вы сохраните себя от осколков, – объяснял майор, который наверняка сопровождал на фронт не один маршевый батальон и не один эшелон. И, кроме того, сам, надо полагать, не раз попадал под бомбежку. А стрелять по самолетам нам было совершенно нечем.

Как только стало темнеть, вновь раздалась команда: «По вагонам!» Буквально через пять минут поезд тронулся с места и стал быстро набирать скорость.

Среди новобранцев было немало тех, кто с трудом запрыгнул в теплушки уже на ходу. Эшелон уже мчался на полной скорости, а Сашка нашего не было. На нарах лежала лишь его гитара. Мы надеялись, что он все же успел вскочить в один из последних вагонов и присоединится к нам на первой же остановке в пути. «Не дай бог нашему Сашку отстать от эшелона», – говорили ребята. Еще бы! В Москве нас предупредили, что отставшие от эшелона могут предстать перед военным трибуналом как дезертиры.

Эшелон теперь двигался уже не на юг, а строго на запад. А там, по моим расчетам, Курск, Центральный фронт, которым, как сказала мне 23 февраля Ада, командовал ее отец, генерал-полковник Константин Рокоссовский. Неужели до самого Курска не будет больше ни одной остановки? «Неужели до самого Курска мы не услышим ни одной песни нашего друга-композитора Сашка?» – записал я в ту тревожную ночь в своем блокноте.

15 апреля 1943 года. Курск, железнодорожная станция

В очередной раз, как сказала бы моя мама, «с Божией помощью», ночь прошла без единого авианалета. Но на станции Курская мы увидели истинное лицо войны.

...Наш эшелон целый час стоял примерно в 10 или 15 километрах от станции, ожидая открытия семафора. Когда же мы прибыли в Курск, то поняли, что нам повезло. Мне показалось, что я оказался в разбомбленной Гернике, о которой знал по репродукции картины Пикассо. Изуродованные тела убитых людей и лошадей, искалеченные солдаты, кричавшие и стонавшие; бьющийся в предсмертных конвульсиях скот, гражданские и военные санитары, тащившие на носилках окровавленных людей.

Как рассказали нам очевидцы, за час до прибытия нашего состава, в 6.30 утра, начался полуторачасовой авианалет. Немецкие самолеты первой волны атаковали фугасными бомбами вагоны с пополнением, с лошадьми и скотом, платформы с боевой техникой. Второй волной над станцией пронеслись немецкие истребители-мессеры, расстреливая солдат, которые, рассредоточиваясь, отбежали от вагонов. Третья волна самолетов противника сбрасывала зажигательные бомбы, чтобы на путях заполохало все, что могло гореть.

Но нас тоже ждало нелегкое испытание. Едва наш эшелон остановился и новобранцы вышли из вагонов, как вокруг снова раздалось: «Воздух! Воздух! Воздух!» Люди на станции и мы – прибывшие из Москвы новобранцы, как нас учили в Ельце, бросились бежать в разные стороны как можно дальше от нашего эшелона. Я, услышав над головой, как мне казалось, душераздирающий вой бомбы или бомб, бросился на сложенные штабелем старые прогнившие шпалы и словно влип в них. Обхватил голову руками, наивно полагая, что так смогу защитить ее от осколков. С тревогой следил за проносившимися надо мной самолетами с фашистскими крестами на боках; мне казалось, что все бомбы, которые они сбрасывали, летят прямо на меня. Невозможно передать то ощущение: ты видишь, как прямо на тебя летят вражеские самолеты, а в руках нет никакого оружия, и ты не в траншее, окопе или бомбоубежище, а на совершенно открытом месте. Я ощущал, как от взрывов бомб подо мной содрогаются шпалы и сама земля. Впервые в жизни я горько пожалел о том, что толком не запомнил ни одной молитвы, которым старалась обучить меня моя дорогая мама. Я думал в тот момент: если меня здесь сразу разнесет в клочья одна из немецких бомб, значит, так тому и быть, но боже упаси остаться без руки, ноги, остаться на всю оставшуюся жизнь слепым или глухим.

Не помню точно, как долго длилась эта адская пытка. Она казалась мне бесконечной.

Тех, что остались после налета живыми, включая меня, было трудно узнать: куда девался наш юношеский задор, стремление поскорее оказаться на передовой? Все были перепачканные с головы до ног, перепуганные насмерть и оглохшие...

Когда нас наконец смогли собрать и построить неподалеку от горящего складского помещения, мы с ужасом узнали, что потеряли убитыми и тяжелоранеными примерно треть личного состава. Вскоре родители погибших 17– и 18-летних пареньков, подумал я, получат похоронки, в которых будет написано: «Ваш сын пал смертью храбрых в боях за Советскую Родину»...

Моя голова кружилась, сердце колотилось, мысли путались. Я какое-то время только и мог, что мысленно себе твердить: «Никто тебя не гнал в эту военную спецшколу из Актюбинска, никто не заставлял идти в партизанский отряд, и никто тебя после госпиталя не вынуждал избавляться от своего паспорта и бежать во Фрунзенский райвоенкомат записываться добровольцем. Ты сам этого хотел! Ты сам, глупый, к этому стремился с июня 1941 года. Надо было оставаться в Актюбинске и спокойно рисовать афиши до самого конца этой проклятой войны, после чего на законном основании вернуться к себе на родину, в Америку!»

Неподалеку от нас стояли наши командиры и о чем-то горячо спорили. В нашем строю слышались злые, раздражительные реплики: «Какого хрена они нас держат возле этой чер-

товой станции?! У немцев здесь ведь наверняка полно шпионов-корректировщиков! Чем так стоять и ждать нового налета, надо быстрее валить отсюда!»

Наконец нам скомандовали «Шагом марш!» и повели от станции по улицам Курска. Вокруг были остовы домов с косо висящими кое-где балконами и горы битого кирпича. Мы видели пожилых женщин, стариков и детишек, копающихся в свалках в поисках того, что уцелело, – сковородок, металлических кроватей, обломков мебели, а может быть, и какой-нибудь еды.

Курск всегда был важным железнодорожным узлом, принимавшим эшелоны с войсками и техникой для Центрального фронта, и поэтому немцы бомбили станцию и днем и ночью.

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень – памятник героям.
Вот на фасаде надпись: «Отстоим!»
А сверху «р» добавлено: «Отстроим!»

Эти строки написал Самуил Маршак 9 февраля 1943 года, в день освобождения Курска... Но это будет потом... А я продолжу свой рассказ о апрельских событиях 43-го.

Один из парней нашего маршевого батальона, как оказалось, родился и жил в Курске до войны. Он произносил название своего родного города не так, как мы, а с протяжным «у-у». «Ку-у-урск». По его словам, до оккупации немцами в городе было 250 тысяч жителей. Но, проходя по улицам города, мы видели совсем немного гражданских людей.

16 апреля 1943 года. Утро в сосновом бору

Вчера вечером опять бомбили железнодорожную станцию. Мы находились километрах в десяти от нее, но мне всю ночь мерещились в полусне вопли, стоны и брань раненых, ржание лошадей и крики санитаров. Появлялся и Сашок со своей мамой...

В подвале было очень холодно, мы притащили туда с улицы автомобильные покрышки и жгли их всю ночь, чтобы хоть немного согреться. Спали все в густом черном дыму. Утром не могли узнать друг друга: лица у всех были покрыты слоем черной сажи. Все мы, включая командиров, были теперь похожи на макеевских шахтеров после шестичасовой смены в забое.

Сажу с лиц и рук смыли с трудом. После завтрака, состоявшего из одного черного сухаря, кусочка колбасы, брикета «кондёр» и котелка чая, объявили общее построение. Нашего Сашка никто не видел ни на станции, ни в подвале, ни при этом построении. Его гитару во время бомбежки наверняка разнесло вдребезги вместе с нашей теплушкой.

Колонной в четыре сотни человек мы двинулись за город в южном направлении. Молча и понуро прошли километров десять с одним привалом.

Наконец показался сосновый бор, где нас ожидала группа молодых санитарок в белых халатах и три пожилых санитар-парикмахера. Они стояли возле пяти дезкамер и примитивных душевых установок. Командовала этим хозяйством красивая девушка с роскошными волосами, в ладно пригнанной по фигуре офицерской форме с белыми медицинскими погонами на плечах. На погонах было по одной полоске и по одной малой звездочке, означавшей, что она младший лейтенант медицинской службы.

Всем нам, включая майора Фастова, она приказала (именно приказала) раздеться догола и сложить все, включая портянки, обмотки, обувь и даже вещмешки и пилотки, в дезкамеры, после чего выстроиться в очередь к парикмахерам. Те вскоре начали нас не просто стричь под нулёвку, но и брить те части тела, где росли волосы.

То, что во всех частях Красной армии вшей боялись как черт ладана, мне было понятно. Ведь во время Гражданской войны от вшей – прямых виновников страшного сыпного тифа – погибло больше миллиона красноармейцев и белогвардейцев. Из-за тифа по дороге с Кавказа в Москву умер один из самых талантливых американских военных журналистов и писателей – автор книги «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид. (Кстати, когда мой Пап однажды в советской библиотеке попросил книгу Джона Рида на русском языке, то получил потрясший его ответ: «Разве вы, товарищ, не знаете, что эта книга запрещена к выдаче лично Иосифом Виссарионовичем?»)

Мы, оказывается, не просто завшивели в теплушках на старой соломе, мы еще, как оказалось, ухитрились завести на своем теле особых вшей, которых некоторые из нас называли «веселыми ребятами». Эти «веселые ребята» забирались повсюду, где у людей растут волосы. Вот и пришлось мне расстаться с моим чубом, тонкими модными усиками и даже бровями. Ну и на кого я стал похож? Подумать стыдно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.